

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-55-88

Научная статья / Research paper

И.Т. Сулейманов*

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Международная межправительственная научно-исследовательская организация

«Объединенный институт ядерных исследований»

141980, Дубна, ул. Жолио-Кюри, 6

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) — международная межправительственная организация, представляющая собой уникальный исследовательский центр, чья деятельность охватывает самый широкий спектр направлений ядерной науки. Становление и развитие ОИЯИ отражены в десятках, если не сотнях книг и публикаций, вышедших в свет за 70-летнюю историю института. Однако приходится констатировать, что рассмотрение процесса его создания через призму теории и практики советской научной дипломатии до настоящего времени не являлось предметом отдельных научных исследований. Между тем анализ становления ОИЯИ с помощью концепции «научной дипломатии» представляется исключительно актуальной исследовательской задачей — с одной стороны, в силу возрастающего значения данной концепции в инструментализации международного научно-технического сотрудничества, с другой — в связи с особой ролью рассматриваемой международной организации в истории СССР и России. В этом контексте в рамках данной статьи предпринимается попытка разложить исследуемый феномен по трем векторам наиболее распространенной в литературе таксономии научной дипломатии: «наука

* Сулейманов Ирек Тавфикович — кандидат педагогических наук, доцент Департамента образовательных программ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; заместитель руководителя Департамента международного сотрудничества, Объединенный институт ядерных исследований (e-mail: irek_s@mail.ru; ORCID: 0009-0009-7766-7034; SPIN 4597-6803).

в дипломатии», «дипломатия для науки», «наука для дипломатии». Автор отмечает, что с точки зрения развития советской научной дипломатии кейс ОИЯИ означал слом сформировавшейся ранее парадигмы встраивания в существующую систему международных научно-технических отношений и выход в «зону опережающего развития»: страна впервые создавала на своей территории новую, уникальную международную площадку. С позиций концепции «научной дипломатии» уникальность ОИЯИ состоит в том, что в его основе лежал процесс радикальной интернационализации прежде секретных объектов класса «мегасайенс» и фактического формирования международной научной программы на базе уже существовавшей национальной крупной исследовательской инфраструктуры. В этом отношении ОИЯИ стал нестандартным, асимметричным, альтернативным ответом классическому подходу к формированию международной научной организации, реализованному, например, в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН). Этот опыт и реализуемость такого рода масштабных задач были использованы и в дальнейшем при создании других профильных международных организаций с ведущей ролью СССР, что сформировало особую, советскую модель научной дипломатии.

Ключевые слова: научная дипломатия, Объединенный институт ядерных исследований, международное научно-техническое сотрудничество, СССР, ЦЕРН, «мягкая сила», интернационализация науки, мирный атом

Для цитирования: Сулейманов И.Т. Советский опыт научной дипломатии: становление Объединенного института ядерных исследований // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 55–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-55-88.

Irek T. Suleymanov

SOVIET EXPERIENCE OF SCIENCE DIPLOMACY: ESTABLISHMENT OF THE JOINT INSTITUTE FOR NUCLEAR RESEARCH

*National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitckaya St., Moscow, 101000*

*International Intergovernmental Scientific Research Organization
Joint Institute for Nuclear Research
6, Joliot-Curie St., Dubna, 141980*

The Joint Institute for Nuclear Research (JINR) is an international intergovernmental organization representing a unique research center, whose

activities encompass the broadest spectrum of nuclear science. The formation and development of JINR are covered in dozens, if not hundreds, of books and articles published over the institute's 70-year history. However, the process of its creation as part of the development of Soviet science diplomacy has not yet been the subject of separate scientific studies. Meanwhile, analyzing the establishment of JINR through the lens of the concept of 'science diplomacy' appears to be an exceptionally relevant research task — on the one hand, due to the growing importance of this concept in instrumentalizing international scientific and technical cooperation, and on the other, due to the special role of this international organization in the history of the USSR and Russia. In this context, this article attempts to deconstruct the phenomenon under study along three vectors of the most common taxonomy of science diplomacy in the academic literature: 'science in diplomacy,' 'diplomacy for science,' and 'science for diplomacy.' The author notes that from the perspective of the development of Soviet science diplomacy, the JINR case represented a break with the previously established paradigm of integrating into the existing system of international scientific and technical relations and a move into a 'zone of accelerated development': for the first time, the country was creating a new, unique international platform on its territory. From the perspective of the 'science diplomacy' concept, the uniqueness of JINR lies in the process of radical internationalization of previously secret 'mega science'-class facilities and the de facto formation of an international scientific program based on an existing national large-scale research infrastructure. In this respect, JINR became a non-standard, asymmetric, alternative response to the classical approach to international scientific organization, implemented, for example, at the European Organization for Nuclear Research (CERN). This experience and the feasibility of such large-scale tasks were subsequently used in the creation of other specialized international organizations with a leading role of the USSR, forming a distinct, Soviet model of science diplomacy.

Keywords: science diplomacy, Joint Institute for Nuclear Research, international scientific and technical cooperation, USSR, CERN, soft power, internationalization of science, peaceful atom

About the author: Irek T. Suleymanov — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Department of Educational Programs, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics; Deputy Head of the Department of International Cooperation, Joint Institute for Nuclear Research (e-mail: irek_s@mail.ru; ORCID: 0009-0009-7766-7034; SPIN 4597-6803).

For citation: Suleymanov I.T. 2025. Soviet experience of science diplomacy: Establishment of the Joint Institute for Nuclear Research. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 55–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-55-88. (In Russ.)

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) — международная межправительственная организация, созданная на основе Соглашения, которое было подписано 11 странами-учредителями 26 марта 1956 г. и зарегистрировано в ООН 1 февраля 1957 г.¹ Сегодня этот всемирно известный научный центр объединяет 15 государств-членов. Среди межправительственных научных организаций ОИЯИ занимает второе место в мире по численности персонала после Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН; Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire, CERN).

Становление и развитие ОИЯИ отражены в десятках, если не сотнях книг и публикаций, вышедших в свет за 70-летнюю историю института. Тема его создания традиционно упоминается в приуроченных к юбилеям ОИЯИ публикациях, содержащих, однако, стандартные, ставшие стереотипными нарративы (к примеру, «центр ядерной науки для стран соцблока») [Бирюков, 1966; Кадышевский, 1996; Сисакян, 2006; Старченко и др., 2011].

Заметная часть работ по истории ОИЯИ написана профессиональными физиками, что обуславливает их сосредоточенность на отраслевой научно-исследовательской, инфраструктурной и технологической плоскости рассмотрения этого феномена [История создания синхротрона..., 2014]. Особый интерес² представляют мемуары лиц, непосредственно задействованных в этом процессе³. Так, интересный свод воспоминаний содержится в очерках А. Расторгуева⁴ и Е.М. Молчанова⁵.

Ценные в контексте настоящего исследования рассуждения о соотношении науки, (внешней) политики, международной кооперации и роли научного сообщества можно обнаружить в работах

¹ Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=67ad4f30-1541-4d2d-b118-986ac248d744> (дата обращения: 30.11.2025).

² В том числе в связи с секретным статусом многих аспектов становления ОИЯИ.

³ Емельянов В.С. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979; Блохинцев Д.И. Дневники, 1955–1975 / Под общ. ред. Т.Д. Блохинцевой. Дубна: ОИЯИ, 2022.

⁴ Расторгуев А. Контакт не избежать: из истории международного сотрудничества в физике высоких энергий // Проза.ру. Доступ: <https://proza.ru/2010/02/08/632> (дата обращения: 30.11.2025); Его же. Проект «ОИЯИ» // Сайт Александра Расторгуева. 29.01.2016. Доступ: http://samlib.ru/r/rastorguew_a_a/4_jinr.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

⁵ Молчанов Е.М. «Беседа вел...»: хроника, интервью, дневники. М.: Этерна, 2011.

А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани [Фурсенко, Афиани, 2010] (их труды, однако, представляют собой анализ более широкой исторической динамики взаимоотношений ЦК КПСС и Академии наук (АН) СССР). Опубликованные авторами рассекреченные документы Политбюро ЦК КПСС содержат значительный массив архивного материала, непосредственно касающегося становления ОИЯИ.

Работы Б.Ю. Старченко фактически ограничиваются перепечаткой ранее опубликованных документов и положений, изданных А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани, а также формулировками рамочных замечаний относительно документов Политбюро ЦК КПСС, которые позволяют прочувствовать «непростое время, когда суровость сталинской эпохи сменилась т.н. оттепелью»⁶.

Встречаются и весьма оригинальные исследования феномена ОИЯИ как международной организации. К примеру, в научно-философской работе П.С. Петрухиной и В.С. Пронских [Петрухина, Пронских, 2018] «протомегасайенс»⁷ цепочка экспериментов ОИЯИ (Дубна) и «Фермилаб» (США) рассматривается в категориях «эпистемических и политических интересов». Н.Н. Прислонов изучает феномен становления ОИЯИ со специфической, урбанистической точки зрения [Прислонов, 2022].

Однако приходится констатировать, что рассмотрение процесса становления ОИЯИ через призму теории и практики советской научной дипломатии до настоящего времени не являлось предметом отдельных научных исследований. Имплицитный «научно-дипломатический» аспект если и затрагивается, то достаточно поверхностно, в семантике лозунговых формулировок, без глубокого анализа, в том духе, что создание и деятельность ОИЯИ служат «неопровержимым доказательством того, что только широкое международное сотрудничество может обеспечить поступательное развитие ядерной науки,

⁶ История создания ОИЯИ в решениях ЦК КПСС, 1955–1958 / Сост. Б.М. Старченко, Ю.Г. Шиманская, И.Ю. Щербакова. Дубна: ОИЯИ, 2015. С. 3.

⁷ Под исследовательской инфраструктурой класса «мегасайенс» понимают не имеющий мировых аналогов единый системный комплекс научного оборудования, созданный с привлечением ресурсов международного сотрудничества в целях получения научных результатов, содержащих фундаментальные прорывные знания, технологии или решения, имеющие общемировое значение, достижение которых невозможно при использовании иных комплексов оборудования [Горлова, Ткаченко, 2019: 207]. При этом под «протомегасайенс» авторы цитируемой статьи подразумевают «начальный этап развития такой разновидности большой науки, как мегасайенс» [Петрухина, Пронских, 2018: 15].

равно как и мирное использование атомной энергии»⁸. Другая крайность при рассмотрении феномена ОИЯИ, а также особенностей его становления — это тенденциозный дисбаланс в сторону обличения тоталитарной природы Советского Союза и политики «ядерного империализма» в Восточном блоке [Khandozhko, 2019].

В зарубежных работах, несмотря на интенцию глубокого рассмотрения истории ОИЯИ (к примеру, в контексте кооперации с ЦЕРН), в том числе в категориях научной дипломатии, можно встретить как упрощенные трактовки, отчасти противоречащие сохранившимся документам, так и тенденциозное изложение неудобных для западного читателя исторических фактов, к числу которых относится отказ ЦЕРН от участия СССР в работе организации (этот факт либо игнорируется [Lock, 1975], либо предстает в наивно-усеченной интерпретации: «Во время Женевской конференции 1955 года члены советской научной группы узнали о планах создания ЦЕРН и сделали аналогичное предложение советским властям» [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 182]). Некоторые работы посвящены анализу развития института в контексте членства отдельных стран, в частности Чехии [Olšáková, 2024], Китая [Liu et al., 2021]. В них затрагиваются некоторые релевантные для настоящего исследования аспекты становления ОИЯИ. Отметим, что в ряде зарубежных публикаций опыт ЦЕРН отчасти представляется в категориях научной дипломатии, однако сюжет взаимодействия ОИЯИ и ЦЕРН, как правило, выступает в качестве периферийного (см., например: [Höne, Kurbalija, 2018]).

Между тем анализ опыта создания ОИЯИ через призму научной дипломатии представляется исключительно актуальной исследовательской задачей — с одной стороны, в силу возрастающего значения данной концепции в инструментализации международного научно-технического сотрудничества⁹ (МНТС), с другой — в связи с особой ролью этой международной организации в истории СССР и России.

⁸ Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет: Сборник статей. Дубна: ОИЯИ, 2011. С. 12.

⁹ Об этом свидетельствуют, к примеру, структура и содержание актуализированной Концепции МНТС Российской Федерации (в документе, в частности, сформулирован ориентир на развитие международных проектов класса «мегасайенс» на своей территории) [Сулейманов, 2025a]. См.: Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-п) // Правительство Российской Федерации. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/vDo5Tl0xJavZh6dOXnpxriAYDNn4Hkk.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

Таким образом, базовым для настоящего исследования выступает понятие «научная дипломатия»: хотя в период становления ОИЯИ в чистом виде этот термин не существовал, возможна реверсивная атрибуция практических мер и целеполагания при создании ОИЯИ в категориях современной теории научной дипломатии.

В силу комплексной природы данного концепта существуют различные подходы к определению соответствующего понятия. Наиболее актуальной можно считать дефиницию, данную в Концепции МНТС Российской Федерации: «...научная дипломатия — особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействия ученых, научных коллективов, научных организаций и образовательных организаций высшего образования, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учетом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами»¹⁰. Для отечественной научной дипломатии это определение имеет и нормативно-правовую силу, так как закреплено распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р. При этом отметим, что имеющееся многообразие подходов к определению понятия научной дипломатии было предметом исследований как отечественных [см., например: Крынжина, 2018], так и зарубежных ученых [см., например: Ruffini, 2020].

Важным представляется и вопрос разграничения понятий «научная дипломатия» и МНТС. Так, П.-Б. Руффини отмечает: «научная дипломатия тем и отличается от международного научного сотрудничества, что всегда отражает интересы конкретного государства»¹¹. Этого подхода придерживаются также К. Монтгомери¹² и В. Турекиан¹³, которые заключают, что мотивация МНТС обусловлена

¹⁰ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации...

¹¹ Цит по: Загитова К. Научная дипломатия набирает «мягкую силу» // Институт статистических исследований и экономики знаний. 09.03.2017. Доступ: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html> (дата обращения: 30.11.2025).

¹² Science for human security: Science diplomacy // World Academy of Art and Science. 24.10.2023. Available at: <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/> (accessed: 30.11.2025).

¹³ Turekian V.C. A strategic approach to science diplomacy // Canadian Science Policy Centre. Available at: https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf (accessed: 30.11.2025).

«развитием науки»; мотивация научной дипломатии — «влиянием на отношения».

Другим крайне важным свойством научной дипломатии в контексте настоящего исследования является ее межсекторальность, выражающаяся в формировании этого концепта на пересечении внешней, научно-технической и иных политик (к примеру, Л. Айгнер пишет, что «научная дипломатия возникла как новая политическая концепция, связывающая науку и технологии с международными отношениями»¹⁴, П.-Б. Руффини также отмечает, что «на стыке науки и внешней политики научная дипломатия страны относится ко всем практикам, в которых взаимодействуют исследователи и дипломаты» [Ruffini, 2017: 16]).

При рассмотрении процесса становления ОИЯИ в категориях научной дипломатии в качестве исходного допущения принимается представление о научной дипломатии как о дипломатии «позитивного действия», согласно которому она ориентирована на поддержку конструктивного диалога и сотрудничества, в том числе путем открытия каналов взаимодействия в (и за пределами) области науки и исследований. Такое понимание научной дипломатии — производная от «мировоззрения исторического оптимизма» и «нацеленности на дипломатию позитивного действия» в терминологии А.А. Громыко [Громыко, 2019: 93]. В статье, однако, приводятся прецеденты и из альтернативной, негативной плоскости научной дипломатии — так называемой научной дипломатии «негативного действия», ориентированной на санкционный, деструктивный характер научно-дипломатических отношений, в частности, на герметизацию научного диалога, наращивание противостояния между странами и народами [Сулейманов, 2025b].

К тому же метаморфозы инструментализации научной дипломатии СССР, рассматриваемые на примере становления ОИЯИ, происходят из «колебательной», амбивалентной природы концепта научной дипломатии, сочетающего в себе «разность потенциалов» глобальных и национальных интересов; сотрудничества и конкуренции; международной природы науки и национальной принадлежности действующих лиц научной дипломатии, равно как из этиче-

¹⁴ Eigner L. The promise and paradox of science diplomacy // CSS Analyses in Security Policy. July 2023. No. 326. P. 1. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse326-EN.pdf> (accessed: 30.11.2025).

ской дилеммы ученого как актора научной дипломатии, лояльного, с одной стороны, своему государству, а с другой — (глобальному) научному сообществу.

В этом контексте представляется целесообразным разложить исследуемый феномен по трем векторам наиболее распространенной в литературе таксономии научной дипломатии¹⁵: «наука в дипломатии» (научное знание в формировании внешнеполитической линии), «дипломатия для науки» (использование дипломатических инструментов для развития научно-технического сотрудничества), «наука для дипломатии» (использование научно-технического сотрудничества для развития отношений между государствами). Очевидно, что рассмотрение феномена становления ОИЯИ в этих плоскостях неизбежно ведет к некоторым содержательным пересечениям, однако такой подход позволяет сформировать многомерную модель конкретного примера функционирования советской научной дипломатии.

Наука в дипломатии

Категория «наука в дипломатии», пусть и весьма расплывчатая, всё же позволяет выделить свой ключевой нарратив — использование научной экспертизы при формировании (внешнеполитических) управленческих решений.

Роль атомной науки в этом процессе в 1940–1950-е годы очевидна: атомный проект СССР, с одной стороны, стал реальностью благодаря научным изысканиям, с другой — продемонстрировал пример тотальной переориентации всей государственной машины на задачи, определяемые наукой, включая и дипломатический трек. Не останавливая внимания на этих контекстуальных реалиях, рассмотрим сюжеты, отражавшие интегрированность научной экспертизы в дипломатические решения, выстроенные в соответствии с приматами науки. В значительной степени на той же научной экспертизе, показавшей весь разрушительный потенциал атомного и водородного оружия на контрасте с колоссальными возможностями для народного хозяйства, выстраивалась и внешнеполитическая линия двух супердержав, СССР и США, на запрещение атомного оружия

¹⁵ New frontiers in science diplomacy: Navigating the changing balance of power // The Royal Society. January 2010. Available at: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 30.11.2025).

и развитие в категориях мирного атома. Идея научно-технической революции настолько интегрировалась в конструкт постсталинской парадигмы строительства социализма, что некоторые исследователи предложили концепцию «атомного коммунизма» [см. подробнее: Josephson, 1996].

В контексте рассмотрения становления ОИЯИ в проекции «науки в дипломатии» ключевым является проведение с участием СССР в августе 1955 г. «международной технической конференции представителей правительств по вопросам применения атомной энергии для мирных целей»¹⁶. В рассекреченной записке В.М. Молотова и В.А. Малышева от 8 января 1955 г. о созыве упомянутой конференции отчетливо сформулирована комплексная роль научного сообщества в этом форуме: повестка встречи рассмотрена «нашими учеными»; предусматривалось назначение экспертов-докладчиков, да и в целом конференция носила научно-технический характер («основной упор <...> делается на рассмотрение конкретных вопросов проектирования и эксплуатации атомных реакторов...»¹⁷). В том же документе наряду с необходимостью исключить риски разглашения «чувствительной» информации была отмечена задача обеспечить должный научный уровень докладов советских экспертов. Примечательно и то, что наука была интегрирована в этот политический и дипломатический процесс на персональном уровне: в состав создаваемой для подготовки конференции комиссии при ЦК КПСС вошли министр среднего машиностроения СССР В.А. Малышев (председатель), первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, первый заместитель министра среднего машиностроения СССР Б.Л. Ванников, президент АН СССР А.Н. Несмеянов, руководитель работ по атомной науке и технике академик АН СССР И.В. Курчатов¹⁸.

Рассекреченные документы ЦК КПСС демонстрируют представленность научной экспертизы не только в определении принципиальных подходов внешней политики СССР, но и в конкретных практических шагах советской власти. К примеру, в проекте директивных указаний (в материалах Постановления Президиума ЦК КПСС от 29 апреля 1955 г.) советским ученым на Международном съезде по

¹⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 203.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 205.

ядерной физике в Пизе (Италия) среди прочего содержалась рекомендация ознакомиться «со свежими экспериментальными данными <...> в области изучения элементарных частиц <...>, что может помочь постановке соответствующих экспериментов в советских научно-исследовательских учреждениях (в частности, в Электрофизической лаборатории АН СССР)»¹⁹. Именно эта лаборатория годом позже стала «взносом» Советского Союза в ОИЯИ. Такое прицельное формирование задач для членов делегации не могло быть реализовано без «науки в дипломатии». Понятно и то, что этот пример демонстрирует проблематичность разделения этой области с направлением «дипломатия для науки» (см. далее).

Научные изыскания определяли повышенное внимание партийного и государственного руководства СССР к сфере физики высоких энергий во второй половине 1940-х годов: разумеется, мотивирующим поддержку этой отрасли фактором был не только (и не столько) прогресс в исследовании фундаментальных свойств материи, сколько перспективы использования научных результатов для обеспечения стратегического преимущества страны в сфере ядерных вооружений. 14 декабря 1949 г. к 70-летию И.В. Сталина состоялся запуск первого в СССР ускорителя, синхроциклотрона, что ознаменовало начало развития новой области научных исследований — физики частиц высоких энергий²⁰. В том же году под руководством В.И. Векслера в районе будущей Дубны²¹ началось проектирование еще одного мощного ускорителя протонов — синхрофазотрона [см. подробнее: Коломенский, 1987]. Этому предшествовала колоссальная подготовительная работа на территории будущего наукограда, правда, на принципах, сообразных эпохе. Как пишет Н.Н. Прислонов, еще в сентябре 1946 г. в организованный здесь исправительно-трудовой лагерь прибыл первый контингент заключенных, с весны 1947 г. начались строительные работы [Прислонов, 2022: 60]. В 1948 г. была создана ускорительная лаборатория²², которая получила название Гидротехническая лаборатория (ГТЛ) АН СССР. И выбор локации для строительства лаборатории, и ее название служили целям конспирации и соблюдения секретности.

¹⁹ Там же. С. 273.

²⁰ См. подробнее: Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 6–7.

²¹ Местоположение ОИЯИ.

²² Фактически филиал легендарной секретной Лаборатории № 2 И.В. Курчатова.

В 1953 г. ГТЛ была преобразована в Институт ядерных проблем АН СССР. В том же году образован соседний институт — Электрофизическая лаборатория АН СССР (ЭФЛАН)²³, на базе которой и был сооружен синхрофазотрон.

Именно этот «научно-инфраструктурный фактор» сыграл ключевую роль в решении вопроса о локализации ОИЯИ на базе упомянутой крупной исследовательской инфраструктуры мирового уровня в сегодняшней Дубне. Кроме того, несмотря на секретность воздвигнутых объектов, они оказали фрустрирующее влияние на западные страны (особенно европейские), которые были вынуждены осознать свое растущее отставание от СССР²⁴ и необходимость интеграционного маневра в науке для консолидации разрозненных (главным образом в результате Второй мировой войны) ресурсов²⁵. Так началась история будущей Европейской организации ядерных исследований. Наука мобилизовала дипломатические инструменты: к примеру, на межправительственном совещании ЮНЕСКО в Париже в декабре 1951 г. была принята первая резолюция о создании Европейского совета по ядерным исследованиям²⁶.

Говоря о научно-дипломатической природе становления ОИЯИ, отметим, что решение о создании института, весь процесс формирования его будущей стратегической, инфраструктурной и тематической архитектуры были сформулированы в документах политического органа — ЦК КПСС, санкционировавшего наведение мостов в сфере науки в геометрии многосторонней международной организации. Однако повествование большей части документов выстроено в том духе, что именно ученые, их экспертиза, мнение и интересы выступили главной движущей силой партийных, государственных и дипломатических решений и действий. Наиболее ранняя из документально зафиксированных формулировок, инициировавших создание ОИЯИ, артикулирована именно учеными

²³ См. подробнее: Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 4–7.

²⁴ «К концу Второй мировой войны европейская наука уже не соответствовала мировому уровню». Цит. по: Where did it all begin? // CERN. Available at: <https://home.cern/about/who-we-are/our-history> (accessed: 30.11.2025).

²⁵ «Следуя примеру международных организаций, группа ученых-визионеров задумала создать европейскую лабораторию атомной физики. <...> Такая лаборатория не только объединила бы европейских ученых, но и позволила бы им разделить растущие расходы на ядерно-физические установки [Ibidem].

²⁶ Ibidem.

в строго секретной записке Б.Л. Ванникова от 4 ноября 1955 г.: «...среди физиков Польши, Чехословакии, Венгрии высказываются соображения о необходимости создания Восточной лаборатории ядерных исследований»²⁷. Это же видим и в письмах ЦК КПСС руководству компартий социалистических стран: «В духе целесообразности создания такой лаборатории высказываются ряд физиков стран народной демократии»²⁸. Как пишет Л. Айгнер, «научная дипломатия возникла и от самих ученых»²⁹. В логике субъектности ученого в научной дипломатии выстроены и нарративы целого ряда документов ЦК КПСС по вопросу об инициировании создания ОИЯИ: основная роль (как, впрочем, и в появлении ЦЕРН) приписывалась физикам.

Дипломатия для науки

Данная проекция феномена научной дипломатии связана с использованием дипломатических инструментов для содействия развитию науки и международного научного диалога. Е.А. Долгова отмечает характерную для европейской науки в межвоенный период ориентацию на замыкание научных сообществ в национальных («патриотических») границах, при этом курс на изоляционизм в СССР был усилен идеологической составляющей. Исследователь делает важную оговорку о том, что речь не шла о полном прерывании научных связей, однако их формат менялся в зависимости от политического курса и экономического целеполагания [Наука большой страны..., 2023: 10].

Вектор на интернационализацию науки стал очевидным в научно-технической парадигме СССР по большей части после смерти И.В. Сталина (хотя объективный запрос самой научной отрасли на развитие МНТС, в первую очередь для обеспечения доступа к передовым научным результатам и технологическим решениям³⁰, существовал и ранее). А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани характеризуют

²⁷ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

²⁸ Там же. С. 338.

²⁹ См. подробнее: Eigner L. Op. cit. P. 1–4.

³⁰ К примеру, И.В. Курчатов в письме от 26 января 1946 г. Л.П. Берии об устройстве синхротрона (одной из первых базовых установок будущего ОИЯИ) писал о запросе на «западные технологии»: в частности, о необходимости «разборки и перевозки на площадку завода “Электросила” металлоконструкций и кранов цеха мощных трансформаторов завода АЕГ в Берлине» [см. подробнее: История создания синхротрона..., 2014: 52–53].

эпоху 1950-х — середины 1960-х годов как период значительных изменений в сфере международных связей советских ученых, когда одним из результатов новой политики власти в отношении науки стали расширение и интенсификация взаимодействия АН СССР с другими мировыми научными центрами. Авторы говорят о восстановлении старых связей после долгого перерыва и выстраивании новых на личном и институциональном уровнях [см. подробнее: Фурсенко, Афиани, 2010]. Действительно, к началу 1950-х годов складывалась крайне неблагоприятная картина международной научно-технической интегрированности Советского Союза: по совокупности причин (Октябрьская революция, Вторая мировая война и пр.) прекратилось его участие во многих международных организациях, в 1951 г. «СССР сохранил членство в двух международных академических союзах — астрономическом и химическом» [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 176]. Вызвано это было рядом как внешних (фактическое изолирование СССР), так внутренних факторов (к примеру, ограничением участия советских ученых в международном сотрудничестве³¹).

В 1953 г. за границу в составе делегаций и в индивидуальном порядке по линии АН СССР выехали 114 советских ученых, уже в 1954 г. это число возросло до 175, а в 1955 г. — до 481 человека. За тот же период количество иностранных ученых, посетивших Советский Союз по приглашению АН СССР, возросло почти в четыре раза (с 93 до 362 человек) [приводится по: Ichikawa, 2016: 33].

В этом контексте, если посмотреть на пул «научно-политических» документов ЦК КПСС, создание ОИЯИ находилось в череде хронологически связанных решений: 1) о вступлении СССР в целый ряд международных научных объединений и организаций (Международный союз геодезии и геофизики (1955)³², Международная комиссия по константам (1955)³³, Международная гидрогеологическая ассоциация (1955)³⁴, Международный совет научных союзов (1955)³⁵,

³¹ Алексеев А. Как порвались связи советской науки с мировой // Коммерсантъ Наука. 30.09.2020. Доступ: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=b9de849f-01b9-47c6-9466-b0d1cd8535bb> (дата обращения: 30.11.2025).

³² Академия наук в решениях Политбюро... С. 195.

³³ Там же. С. 273.

³⁴ Там же. С. 285.

³⁵ Там же. С. 289.

Международный союз истории наук (1956)³⁶ и др.); 2) об участии в глобальных инициативах (например, в Международном геофизическом году 1957–1958) [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 179] и проведении съезда Международного астрономического союза в СССР (1955)³⁷; 3) о приеме зарубежных ученых (в том числе из капиталистических стран) и направлении за границу советских делегаций (к примеру, ученых-аэродинамиков в Западную Германию (1955)³⁸, ученых-физиков в Норвегию (1956)³⁹, географов в Бразилию (1956)⁴⁰ и т.д.). Всё это позволяет констатировать общий тренд в СССР середины 1950-х годов на интернационализацию науки путем интеграции в международное научное сообщество, воссоединения с ним.

Рассекреченная записка Б.Л. Ванникова «о создании Восточной лаборатории ядерных исследований» от 4 ноября 1955 г., подготовленная заместителем министра среднего машиностроения СССР по итогам Женевской конференции 1955 г. для Президиума ЦК КПСС, демонстрирует, как дипломатия содействовала решению научно-политических задач и реализации интересов научного сообщества: «Создание лаборатории позволит странам народной демократии совместно обеспечить условия для плодотворной работы своих научных работников»⁴¹. В схожем духе (создание «мощной научно-исследовательской базы на современном уровне для развития науки и техники по использованию атомной энергии») построено и строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 16 ноября 1955 г. «Об организации странами народной демократии Восточной лаборатории ядерных исследований»⁴².

Наука для дипломатии

Очевидно, вектор на развитие научной дипломатии вписывался в формировавшуюся систему координат мирного сосуществования противоборствовавших идеологических систем. В контексте холодной войны в 1960-е годы Р. Лалли справедливо говорит о «физике

³⁶ Там же. С. 385.

³⁷ Там же. С. 205.

³⁸ Там же. С. 232.

³⁹ Там же. С. 365.

⁴⁰ Там же. С. 269.

⁴¹ Там же. С. 337.

⁴² Там же. С. 336.

как дипломатии» — в такой ипостаси физики упражнялись уже в 1950-е годы [см. подробнее: Lalli, 2021]. В случае СССР на первый план снова вышел ОИЯИ.

Одной из знаковых площадок, на которых советские физики примерили роль научных дипломатов, стала сессия АН СССР по использованию атомной энергии в мирных целях 1–5 июля 1955 г. (далее — Сессия): к участию были приглашены наряду с советскими экспертами еще и делегации из стран народной демократии и капиталистических государств. Поскольку этому мероприятию, в отличие от Женевской конференции 1955 г., в литературе уделено более чем скромное внимание, имеет смысл остановиться на рассмотрении некоторых его научно-дипломатических аспектов подробнее.

Говоря о значимости Сессии, Дж. Лиу пишет, что «президент АН СССР А.Н. Несмеянов (1889–1980) пригласил⁴³ ученых из социалистических стран посетить Институт ядерных проблем⁴⁴ для ознакомления с экспериментами на синхротроне. В ходе визита Советский Союз предложил ученым из социалистических стран совместно провести экспериментальные исследования на ускорителях» [Liu et al., 2021: 35].

Из статьи Дж. Лиу, повествующей об истории сотрудничества китайских физиков и ОИЯИ, может сложиться впечатление, что именно на Сессии и родилась идея создания института. Однако, судя по документам, логика событий была несколько иной: речь шла об укреплении *двусторонних* научно-технических связей⁴⁵ Советского Союза в области мирного атома с конкретными социалистическими странами: наука скорее содействовала решению более широких внешнеполитических задач Москвы. Об этом свидетельствует и вступительная речь президента АН СССР, посвященная мирному использованию атомной энергии: А.Н. Несмеянов отметил, что «наша наука и атомная промышленность окажут в порядке осу-

⁴³ На этот счет было выпущено строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 1 июля 1955 г. «Об организации экскурсии в Институт ядерных проблем Академии наук СССР для иностранных ученых». См. подробнее: Академия наук в решениях Политбюро... С. 301–302.

⁴⁴ Этот институт, расположенный в будущем наукограде Дубне, стал своеобразным советским вкладом в создаваемый ОИЯИ.

⁴⁵ В рамках реализации решения от 18 января 1955 г. «Об оказании помощи зарубежным странам в создании научно-исследовательских центров ядерной физики».

ществления международных соглашений⁴⁶ бескорыстную помощь в первом освоении атомной техники в Китае, Польше, Чехословакии, Румынии, ГДР, Венгрии и Болгарии» [Несмеянов, 1955: 4–5].

Безусловно, проведение Сессии можно рассматривать как важный «пропедевтический» инструмент научной дипломатии — это была проба пера в консолидации профильного научного сообщества социалистических стран и ряда капиталистических государств (США, Великобритании, Франции) под водительством советской науки. Как написал один из современников, Сессия «вместе с материалами, представленными нашими учеными на конференцию в Женеве, убедительно продемонстрировала огромный размах работ, ведущихся в этом направлении в Советском Союзе» [Лешковцев, 1955: 517]. Однако, судя по материалам строго секретного Постановления Президиума ЦК КПСС от 3 июня 1955 г., утилитарная цель проведения Сессии в значительной степени состояла в основательной подготовке к Женевской конференции, в частности, остро стоял вопрос о пополнении пула советских докладов (отмечается, что СССР подал заявку на 102 доклада, тогда как США — на 530)⁴⁷.

Создание международной организации на территории Советского Союза изначально вовсе не вписывалось в воссоединительную парадигму научной дипломатии СССР, когда страна вступала или возвращалась в уже существовавшие международные научные структуры. В этой логике более органичным было бы присоединение СССР к ЦЕРН, поэтому неудивительно, что свидетельства зондирования такого сценария сохранились как в эго-документах (в частности, В.С. Емельянова), так и в рассекреченных источниках ЦК КПСС.

Зондаж возможного участия СССР в ЦЕРН происходил на Женевской конференции: В.С. Емельянов, входивший в состав советской делегации, писал, что руководители ЦЕРН сообщили о прекращении приема новых членов в организацию на 5 лет [Емельянов, 1979: 216]. Примечательно, что западные исследователи истории ЦЕРН и его кооперации с ОИЯИ рисовали встречу члена советской делегации на Женевской конференции В.И. Векслера с представителями ЦЕРН

⁴⁶ Имеются в виду *двусторонние* соглашения: в апреле 1955 г. СССР подписал соглашения о помощи в области мирного атома с ГДР, Чехословакией, Румынией и др.; в июне того же года — с Болгарией и Венгрией.

⁴⁷ Академия наук в решениях Политбюро... С. 276–280.

как первый контакт двух лабораторий, умалчивая, однако, о содержании «стратегических» бесед [Lock, 1975].

Обращало на себя внимание и противоречие в политике ЦЕРН относительно членства в организации, так как в тот же самый период она активно прорабатывала вопрос о принятии Польши⁴⁸. Данное обстоятельство обнажило геополитический и геостратегический каркас проекта ЦЕРН, ориентированность научной дипломатии организации на выстраивание герметичных (научных) границ вокруг СССР. Всё это не могло не вызывать озабоченности советского правительства. Позиционирование ЦЕРН интерпретировалось в Москве⁴⁹ в более широком ключе: «...делаются попытки использовать лабораторию [ЦЕРН] для внесения некоторого раскола в странах народной демократии»⁵⁰. При этом можно констатировать, что западная научная дипломатия «негативного действия» участвовала в реализации более широкой геополитической линии, в том числе на вторжение в зону послевоенного внешнеполитического влияния СССР: к примеру, в ЦЕРН в 1954 г. вошла в качестве государства-члена Югославия⁵¹.

С точки зрения темы статьи особенно показательно, что впоследствии Советский Союз использовал проект ОИЯИ, чтобы попытаться реинтегрировать Югославию в научно-технологическое пространство социалистических стран. «Хотя Югославия участвует в Европейской лаборатории ядерных исследований, мы со своей стороны считаем возможным, если Югославия этого пожелает, ее участие в Восточном центре ядерных исследований»⁵², — говорилось в письме ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 14 января 1956 г.

Геополитически обусловленный модус формирования состава государств — членов ЦЕРН как не только конкурентной, но даже (потенциально) недружественной интересам СССР организации послужил импульсом к переформатированию идеи «воссоединения» в ориентир на формирование собственного, альтернативного центра

⁴⁸ Б.Л. Ванников сообщал в ЦК КПСС, что на Женевской конференции 1955 г. к польскому представителю обратились ученые из Франции, Италии и Югославии с предложением о вступлении Польши в ЦЕРН. См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁴⁹ Например, в записке Б.Л. Ванникова от 4 ноября 1955 г.

⁵⁰ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵¹ В 1961 г. Югославия вышла из ЦЕРН.

⁵² Академия наук в решениях Политбюро... С. 369.

притяжения и объединения (дружественных) научных сообществ. Таким образом, ответом на шаги в духе научной дипломатии «негативного действия» стал научно-дипломатический маневр — инструмент научной дипломатии «позитивного действия»: рождение новой площадки, открытой изначально идеологически родственным странам⁵³, а затем и всем заинтересованным сторонам⁵⁴.

Основополагающие документы ОИЯИ были составлены таким образом, что создавали возможности для присоединения новых государств-членов. Этот механизм конкурентной научной дипломатии (в терминологии О. Красняк⁵⁵) выступал и средством «научной экспансии» Советского Союза. К примеру, на второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии (1–13 сентября 1958 г., Женева) руководитель советской делегации В.С. Емельянов, один из авторов идеи создания ОИЯИ, представляя новую лабораторию, сделал акцент на том, что «устав этого института основывается на <...> принципе *открытых дверей*» [На второй Международной конференции..., 1958: 588].

Показательным для рассмотрения советской научно-дипломатической парадигмы является и процесс принятия решения о местоположении первой социалистической международной лаборатории в области ядерных исследований. В документах 1955 г. обнаруживается необычная по стилистике диалогическая формулировка: «...возникает вопрос: где строить лабораторию. Этот вопрос можно было бы поставить на решение будущих участников лаборатории. Географически более удобным пунктом могли бы быть Киев (СССР), Прага (Чехословакия) и другие»⁵⁶.

Однако не прошло и года, как позиция Советского Союза резко поменялась и приобрела предельную конкретику: в строго секретном Постановлении Президиума ЦК КПСС от 14 января 1956 г. «Об организации Восточного института ядерных исследований»

⁵³ «...считаем, что СССР и странам народной демократии следует организовать Восточную лабораторию ядерных исследований...». См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵⁴ «Когда лаборатория встанет на ноги, <...> можно будет вступить в соглашение с Европейской лабораторией ядерных исследований». См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵⁵ Krasnyak O. Strategizing science diplomacy // USC Center on Public Diplomacy. 16.05.2019. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/strategizing-science-diplomacy> (accessed: 30.11.2025).

⁵⁶ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

предлагалось локализовать институт на «Большой Волге» (нынешняя Дубна) и передать «в состав Восточного института ядерных исследований установки “М” Министерства среднего машиностроения и “КМ” АН СССР»⁵⁷.

Очевидно, на фоне решения о нерасширении состава членов ЦЕРН и одновременно об активной «вербовке» европейских социалистических стран можно говорить о подорванном доверии Советского Союза к западной стороне как о факторе научной дипломатии, который обусловил переход к конкурентной научно-дипломатической тактике: вместо того чтобы тратить время и иные ресурсы на создание новой инфраструктуры, было принято, как кажется, соломово решение — интернационализировать уже имевшуюся сверхсовременную научно-исследовательскую инфраструктуру класса «мегасайенс». В теоретическом плане этот пример иллюстрирует амбивалентную природу концепта научной дипломатии, сочетающего в себе взаимопротиворечащие «гены» сотрудничества и соперничества. Последнее имеет четкую увязку с национальной парадигмой научной дипломатии, приматом национальных интересов над глобальными вызовами: как пишет П.-Б. Руффини, «государства могут проводить стратегии научной дипломатии, <...> направленные исключительно на получение преимущества над другими» [Ruffini, 2020: 5].

В эту концептуальную модель укладывалась и логика советской научной дипломатии: «Тогда как Европейская лаборатория только строится и ее ускорители могут быть пущены лишь через несколько лет, Восточный институт, если он будет размещен на базе действующего Института ядерных проблем, сможет немедленно предоставить ученым наших стран хорошие условия для продуктивной работы»⁵⁸, — констатировалось в секретной памятной записке об организации института. Действительно, если в ЦЕРН в 1954 г. начались лишь первые земляные работы (в буквальном смысле в чистом поле — это запечатлено на архивных фотографиях⁵⁹), то инфраструктура мирового класса для будущего ОИЯИ была успешно запущена еще в 1949 г. Этот рывок и конкурентное преимущество позволили уже через год после основания института ввести в эксплуатацию

⁵⁷ Там же. С. 366–367.

⁵⁸ Там же. С. 368.

⁵⁹ Breaking ground // CERN. Available at: <https://timeline.web.cern.ch/breaking-ground> (accessed: 30.11.2025).

и легендарный синхрофазотрон. Как написали сотрудники ОИЯИ к очередному его юбилею, «успешный запуск синхрофазотрона позволил ученым стран — участниц ОИЯИ активно включиться в исследования по поиску новых элементарных частиц <...> в области энергий, которая до этого была недоступна ни одной лаборатории мира»⁶⁰. Системообразующий «вещественный вклад» (*in-kind contribution*) СССР в ОИЯИ надолго остался в памяти европейских физиков (к примеру, в «Бюллетене Европейского физического общества» в публикациях 1960⁶¹ и 1975⁶² гг. писали, что ключевыми элементами создававшегося учреждения были те самые два института⁶³, которые возникли благодаря СССР).

Следование логике создания конкурентного преимущества для будущего института автоматически означало и локализацию создаваемой лаборатории на территории СССР, что одновременно упреждало риски ограничения доступа к инфраструктуре третьими сторонами в случае геополитических вызовов (что оказалось удивительно прозорливым, если принять во внимание первоначально рассматривавшиеся альтернативы расположения будущего ОИЯИ). Кроме того, такой подход позволял сэкономить значительные финансовые ресурсы государств-участников. Документы ЦК КПСС⁶⁴ свидетельствуют о том, что финансовый аспект при проработке решения о создании ОИЯИ играл немаловажную роль. В частности, отмечалось, что участие в ЦЕРН стоило бы немалых финансовых вложений, которые к тому же могли бы быть потрачены зря в случае блокировки доступа СССР к научно-исследовательским установкам лаборатории.

Вместе с тем специфика интернационализации секретного объекта исследовательской инфраструктуры наложила особый отпечаток на траекторию развития ОИЯИ как международной организации. Примечательна та динамика, о которой пишут исследователи истории Дубны: на территории СССР появилось поселение нового типа — международное, что обуславливало особые реалии градостроения

⁶⁰ Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 9.

⁶¹ Europhysics news // Bulletin of the European Physical Society. January 1960. No. 1. P. 7.

⁶² Europhysics news // Bulletin of the European Physical Society. July 1975. No. 7. P. 1.

⁶³ Институт ядерных проблем АН СССР и Электрофизическая лаборатория АН СССР.

⁶⁴ Академия наук в решениях Политбюро... С. 338.

и уровня жизни в будущем наукограде. Там формировался высокий уровень социально-культурного потенциала. Первые иностранные исследователи из стран-участниц (16 человек) появились в Дубне в 1956 г. и были размещены в отдельных домах, однако затем, как отмечает Н.Н. Прислонов, «по их же просьбе, они стали жить со всеми советскими гражданами» [Прислонов, 2022: 69].

Примечательно и то, как расширилось толкование советской научной дипломатии в процессе вызревания концепции будущего ОИЯИ. Опубликованные архивные документы⁶⁵ позволяют наблюдать этот процесс с точки зрения понимания «семантики» научной дипломатии СССР — один лишь взгляд на вариативность процесса выработки названия производит яркое впечатление.

В строго секретном Постановлении Президиума ЦК КПСС № 95 от 16 ноября 1955 г. артикулировалось создание «странами народной демократии *Восточной лаборатории ядерных исследований*»⁶⁶. Вплоть до подписания Соглашения об организации ОИЯИ 26 марта 1956 г. название будущей организации претерпевало изменения: *Восточный институт* ядерных исследований (строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 14 января 1956 г.), *Восточный центр* ядерных исследований (там же, Приложение № 1⁶⁷), *Международный центр* ядерных исследований (секретная записка В.М. Молотова в ЦК КПСС от 24 марта 1956 г.⁶⁸). И лишь непосредственно в день подписания основополагающего документа было принято решение: «Товарищи Хрущев Н.С. и Молотов В.М. предлагают назвать Институт ядерных исследований — *Объединенный институт* ядерных исследований» (секретное Приложение № 3 к Постановлению Президиума ЦК КПСС от 26 марта 1956 г.⁶⁹).

Упомянутые рассекреченные материалы содержат и официальную мотивировку эволюции названия от «Восточного» к «Международному»: это «устраняет противопоставление Востока Западу и открывает более легкий доступ в этот центр другим государствам независимо от того, находятся ли они на Западе или на Востоке» (Приложения № 1 и 2 (секретно) к Постановлению от 26 марта 1956 г.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 336.

⁶⁷ Там же. С. 367.

⁶⁸ Там же. С. 426.

⁶⁹ Там же. С. 427.

№ 126⁷⁰). В приложении к научной дипломатии СССР этот пример демонстрирует ее стратегическую ориентацию на наведение мостов между политическими блоками, устранение изоляционистских шагов, выстраивание канала коммуникации и диалога с возможным выходом на конструктивное взаимодействие и по другим дипломатическим трекам.

Рассматривая процесс становления ОИЯИ в научно-дипломатическом ракурсе трансграничных интересов, нельзя не отметить и интеграционную составляющую этого феномена: наука служила целям интеграционной дипломатии СССР — формированию единого научно-технологического пространства стран народной демократии. О такой роли ОИЯИ свидетельствуют сохранившиеся документы первых лет работы института, где был прописан его координирующий научно-методический функционал для научных организаций стран-членов. Благодаря этому «исключается излишний параллелизм и более рационально расходуются средства» [Бирюков и др., 1960: 50]. К примеру, в публикации 1958 г. сообщалось, что теоретические и экспериментальные работы ученых Института ядерной физики Чехословакии «увязываются с тематикой ОИЯИ» [Лебеденко, 1958: 105].

При этом глобальное и общечеловеческое целеполагание артикулировалось даже на юридическом уровне в тексте Соглашения об организации института. В документе в качестве исходного положения отмечались значимость использования атомной энергии в мирных целях *на благо всего человечества* и «необходимость сотрудничества ученых различных стран <...> с целью расширения возможностей использования атомной энергии в мирных целях»⁷¹.

Стратегические цели

Принятое в качестве базового для исследования определение научной дипломатии акцентирует нацеленность соответствующей деятельности на реализацию национальных интересов. В этом разрезе представляется продуктивным рассмотреть процесс становления ОИЯИ как инструмента научной дипломатии СССР также и в разрезе стратегических целей государства. Для этого использован широко

⁷⁰ Там же. С. 426.

⁷¹ Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований...

утвердившийся в научной литературе и даже вошедший как в отечественные [см., например: Краснова, 2021], так и в зарубежные⁷² учебно-методические материалы подход Т. Флинк и У. Шрайтерера [Flink, Schreiterer, 2010], которые выделили три цели научной дипломатии: «доступ» (улучшение национального научного потенциала, привлечение талантов и инвестиций из-за рубежа, ослабление напряженности между государствами, участие в дорогостоящих проектах «большой науки»); «продвижение» (продвижение за рубежом достижений своей страны в области исследований и разработок и повышение интереса к науке и технологиям своей страны, привлечение кадров, укрепление основ для международного партнерства); «влияние» (воздействие на общественное мнение других стран, объединение науки и дипломатии, «мягкая сила»).

Рассмотренные материалы позволяют концептуализировать процесс создания ОИЯИ и с точки зрения этой триединой стратегической цели научной дипломатии:

- «доступ»: с помощью института укреплялся научный потенциал СССР за счет привлечения ведущих научных кадров из социалистических стран и дополнительных финансовых ресурсов в виде взносов участников⁷³, усиливалось научно-техническое единство государств народной демократии;
- «продвижение»: СССР позиционировал себя как великую научную державу и демонстрировал осязаемым вкладом *in-kind* колоссальные достижения страны, позволившие не только обеспечить конкурентное преимущество ОИЯИ, но и значительно усилить научный и кадровый потенциал всех членов института.

⁷² См., например: S4D4C European science diplomacy online course // S4D4C. Available at: <https://www.s4d4c.eu/courses/s4d4c-european-science-diplomacy-online-course/> (accessed: 30.11.2025).

⁷³ В соответствии с Соглашением об организации ОИЯИ 26 марта 1956 г. установлена «шкала взносов» стран-членов для формирования ежегодного бюджета организации: Народная Республика Албания — 0,05%, Народная Республика Болгария — 3,6, Венгерская Народная Республика — 4, Германская Демократическая Республика — 6,75, Китайская Народная Республика — 20, Корейская Народно-Демократическая Республика — 0,05, Монгольская Народная Республика — 0,05, Польская Народная Республика — 6,75, Румынская Народная Республика — 5,75, Союз Советских Социалистических Республик — 47,25, Чехословацкая Республика — 5,75%. См.: Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований...

СССР фактически стал лидером профильной научно-технической повестки в мире и научным центром формировавшегося единого научно-технического пространства стран социалистической ориентации;

- «влияние»: создание ОИЯИ стало «витриной» научной мощи социализма, интеграционного магнетизма советской науки. Институт был заметным голосом стран научной демократии на международных площадках, его создание продемонстрировало реализуемость мер в области научной дипломатии и «мягкой силы» в отношении не только стран — членов ОИЯИ, но и представителей научных сообществ со всего мира. Институт в Дубне с учетом ротации (молодых) исследовательских кадров стал инструментом формирования интеллектуальных элит в государствах-участниках, что вполне соответствует классическому пониманию «мягкой силы» как одной из граней концепта научной дипломатии (эта тема из-за своей обширности и значимости достойна отдельного исследования).

Одним из эго-свидетельств интегративного единства реализации стратегических целей советской научной дипломатии можно считать опубликованное в первом выпуске «Атомной энергии» за 1957 г. наряду с сообщением о первой сессии Ученого совета ОИЯИ⁷⁴ инициативное письмо члена-корреспондента Академии наук Румынии А. Саниелевича «Помощь ученым-атомщикам из стран народной демократии» [Саниелевич, 1957]. «Для нас, румын, ясно, что, будучи ограничены в материальных и людских ресурсах, без помощи Советского Союза мы смогли бы лишь с большими трудностями и невероятно медленно ликвидировать наше отставание в области атомной науки», — писал автор, заключая предложение словами о том, что это отставание — результат «ига собственной и иностранной буржуазии» [Саниелевич, 1957: 82]. Закономерным был и вывод автора: «...румынские физики гордятся тем, что они могут работать в этом институте».

Основной научно-политический посыл приведенного письма состоял в том, что участие в международной организации было

⁷⁴ Устав Объединенного института ядерных исследований // Атомная энергия. 1957. Т. 2. № 1. С. 76–80. Доступ: https://elib.biblioatom.ru/text/atomnaya-energiya_t2-1_1957/p76/ (дата обращения: 30.11.2025).

обусловлено в первую очередь насущными потребностями ученых, науки, а самое главное — народного хозяйства государств — членов ОИЯИ; немаловажен и политико-идеологический фактор братства с СССР. Характерно, однако, что в глазах румынского академика ОИЯИ органично выступал советским институтом, в котором было «дозволено» работать и его согражданам-физикам. Этот нарратив вплетен автором в канву письма — благодарности за советскую помощь Румынии в атомной сфере: далее А. Саниелевич писал как раз о двустороннем треке взаимодействия — о помощи СССР в рамках профильных соглашений с дружественными странами. Примечательно, что и в документах ЦК КПСС создание ОИЯИ рассматривалось в увязке с ранее обозначенной готовностью (в том числе в рамках подписанных двусторонних соглашений о реализации решения «Об оказании помощи зарубежным странам в создании научно-исследовательских центров ядерной физики» от 18 января 1955 г.) содействовать научно-техническому прогрессу в области мирного атома: «...научно-техническая помощь, которую СССР принял на себя оказывать странам народной демократии, будет содействовать развитию такой лаборатории»⁷⁵.

В логике концепта научной дипломатии выстроена концовка письма: «...дружеские связи между нашими странами множатся, как прямое следствие последовательной и принципиальной политики международной солидарности, проводимой советским правительством. Оказанная нам помощь в деле многостороннего развития ядерных исследований <...> является неотъемлемой частью этой же политики» [Саниелевич, 1957: 85]. Это и другие схожие эго-свидетельства отражают и направленность создания ОИЯИ на трансляцию положительного имиджа страны местоположения института — СССР.

* * *

Модель создания ОИЯИ стала нестандартным, асимметричным, альтернативным ответом классическому подходу к формированию международной научной организации, реализованному в ЦЕРН (когда новая структура создавалась группой государств одного «якорного» региона «с чистого листа»). Лекала конструирования

⁷⁵ Академия наук в решениях Политбюро... С. 338.

ЦЕРН стали эталонными для множества новых международных организаций не только для западного мира. Однако и советская «дубнинская модель научной дипломатии» показала по итогу почти 70-летней истории института свою устойчивость и эффективность.

Феномен ОИЯИ (здесь уместно использовать и понятие «*Dubna effect*», пусть и введенное в ином содержательном контексте (как стойкость и приверженность науке в 1990-е годы) [Clery, 1994]) с точки зрения концепции «научной дипломатии» состоит в том, что он представляет собой особую оригинальную модель создания международной организации путем радикальной интернационализации прежде секретных объектов класса «мегасайенс» и фактического формирования международной научной программы и команды на базе уже существующей национальной крупной исследовательской инфраструктуры.

Эта советская, «дубнинская модель» сопряжена с рядом особенностей, обусловленных изначально секретным характером строительства и эксплуатации исследовательской инфраструктуры: специфика локализации (значительная удаленность от крупных агломераций), герметичность социальной среды, встроенность научной программы в национальную научно-техническую и научно-организационную повестку, наличие базового научного, инженерного и вспомогательного персонала, узус постоянной, а не ротационной занятости (профиль института не как центра коллективного пользования, а как самостоятельной фабрики по производству собственных научных результатов, проведению собственных (долгосрочных) исследований). Закономерна и ведущая роль страны местопребывания международной организации как комплексного гаранта функционирования института.

Отметим, однако, что ЦЕРН так и не стал полноценным исследовательским *ядерным* центром, всецело концентрируя научную повестку на физике высоких энергий, тогда как ОИЯИ охватывал и охватывает широкий спектр направлений ядерной науки. «Дубнинская модель» с гарантийной ролью страны местоположения позволяла снять целый ряд фрустраций (к примеру, связанных с доступом к ядерным технологиям), обеспечив ученым максимальную широту научной повестки.

Отталкиваясь от тезиса А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани о существовании отношений между наукой и властью в период 1950–1960-х годов, состоявшем в поиске властью новых методов модернизации науки [см.

подробнее: Фурсенко, Афиани, 2010], проект ОИЯИ можно рассматривать и в качестве одной из граней совершенствования советской научно-исследовательской системы, повышения ее эффективности и продвижения положительного имиджа с использованием инструментов научной дипломатии.

Вместе с тем корпус рассекреченных документов Политбюро ЦК КПСС, касающихся дискуссии о создании ОИЯИ, подтверждает общий тезис А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани о том, что «практически все международные контакты Академии наук продолжали находиться под контролем ЦК КПСС» [Фурсенко, Афиани, 2010: 20]. Это, следуя логике В. Турекиана⁷⁶ о разграничении мотиваций научной дипломатии и МНТС, подтверждает, что кейс создания ОИЯИ лежал преимущественно в плоскости прагматики советской научной дипломатии.

В целом реализация проекта создания первой международной межправительственной научно-исследовательской организации социалистических стран стала принципиально важным прецедентом успешного «натурного» испытания целого пула инструментов советской научной дипломатии. Как писали современники в первые годы работы института, «самый факт существования ОИЯИ имеет большое значение. Он показывает путь для развития сотрудничества между народами» [Бирюков и др., 1960: 59]. При этом для советской научной дипломатии кейс ОИЯИ означал слом сформировавшихся шаблонов бытовавшей воссоединительной парадигмы выстраивания системы международных научно-технических отношений и стал своего рода выходом в «зону опережающего развития»: страна впервые суверенно консолидировала под своим началом и на своей территории новую международную площадку, а не пыталась интегрироваться в уже существовавшие организации. Этот опыт реализации такого рода масштабных задач был использован и в дальнейшем при инициировании создания других профильных международных организаций с ведущей ролью СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков В.А. XIX сессия Ученого совета Объединенного института ядерных исследований // Атомная энергия. 1966. Т. 20. № 6. С. 523–525.
2. Бирюков В.А., Лебеденко М.М., Рыжов А.М. Объединенный институт ядерных исследований. М.: Атомиздат, 1960.

⁷⁶Turekian V.C. Op. cit.

3. Горлова Е.Н., Ткаченко Р.В. Понятие проектов класса «мегасайенс» на примере установок ИТЭР и ФАИР // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 205–213. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213.
4. Громыко Ал.А. Дипломатия позитивного действия // «Война между государствами — великое зло». К 110-летию А.А. Громыко / Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 84–102.
5. Емельянов В.С. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979.
6. История создания синхроциклотрона ОИЯИ (в документах и воспоминаниях) / Под общ. ред. Н.А. Русаковича. Дубна: ОИЯИ, 2014.
7. Кадышевский В.Г. 40 лет Объединенному институту ядерных исследований // Успехи физических наук. 1996. Т. 166. № 9. С. 921–926. DOI: 10.3367/UFNr.0166.199609a.0921.
8. Коломенский А.А. В.И. Векслер и ускорители // Воспоминания о В.И. Векслере: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Марков, А.Н. Горбунов. М.: Наука, 1987. С. 126–134.
9. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: Учеб.-метод. материалы № 9/2021. М.: НП РСМД, 2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-УММ9.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).
10. Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12.
11. Лебеденко М. Юбилей Чешской высшей технической школы // Атомная энергия. 1958. Т. 4. № 1. С. 105–106.
12. Лешковцев В.А. Сессия Академии наук СССР по мирному использованию атомной энергии // Успехи физических наук. 1955. Т. 57. № 3. С. 503–517. DOI: 10.3367/UFNr.0057.195511e.0503.
13. На второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии // Атомная энергия. 1958. Т. 5. № 5. С. 583–589.
14. Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е.А. Долговой. М.: РГГУ, 2023.
15. Несмеянов А.Н. Вступительная речь на Сессии Академии наук СССР, посвященной мирному использованию атомной энергии // Сессия АН СССР по мирному использованию атомной энергии, 1–5 июля 1955 г.: Пленарное заседание. М.: АН СССР, 1955. С. 3–8.
16. Петрухина П.С., Пронских В.С. Протомегасайенс как гетерогенная сеть переводов интересов: исследования дифракции протонов // История и философия науки в эпоху перемен: Сборник научных статей: В 6 т. Т. 2 / Науч. ред. и сост. И.Т. Касавин и др. М.: Русское общество истории и философии наук, 2018. С. 14–16.
17. Прислонов Н.Н. Дубна: годы свершений. Очерки новейшей истории наукограда. Дубна: ОИЯИ, 2022.

18. Саниелевич А. Помощь ученым-атомщикам из стран народной демократии. Письмо члена-корреспондента Академии наук Румынской Народной Республики проф. А. Саниелевича // Атомная энергия. 1957. Т. 2. № 1. С. 82–85.

19. Сисакян А.Н. Мировая слава Дубны // Наука в России. 2006. № 2. С. 71–79.

20. Старченко Б.М., Бедняков В.А., Шиманская Ю.Г. Объединенный институт ядерных исследований — рождение научной Дубны // История науки и техники. 2011. № 1. С. 2–19.

21. Сулейманов И.Т. Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 315–322. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-315-322.

22. Сулейманов И.Т. «Постаффирмативная» эпоха научной дипломатии в ЕС: на пути кооптации в дипломатию принуждения? // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 338–342. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-338-342.

23. Фурсенко А.А., Афиани В.Ю. Академия наук СССР и ЦК КПСС в 1950-е гг.: поиск путей модернизации // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 8–22.

24. Clery D. The Dubna effect // Science. 1994. Vol. 264. P. 1269. DOI: 10.1126/science.264.5163.1269.

25. Da Silva Neto C.P., Kojevnikov A. Socialist internationalism and science diplomacy across the Iron Curtain // Globalizing physics: One hundred years of the International Union of Pure and Applied Physics / Ed. by R. Lalli, J. Navarro. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 175–191.

26. Flink T., Schreiterer U. Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: Toward a typology of national approaches // Science and Public Policy. 2010. Vol. 37. No. 9. P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530.

27. Höne K.E., Kurbalija J. Accelerating basic science in an intergovernmental framework: Learning from CERN's science diplomacy // Global Policy. 2018. Vol. 9. No. S3. P. 67–72. DOI: 10.1111/1758-5899.12589.

28. Ichikawa H. Obninsk, 1955: The world's first nuclear power plant and 'the atomic diplomacy' by Soviet scientists // Historia Scientiarum. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 25–41. DOI: 10.34336/historiascientiarum.26.1_25.

29. Josephson P.R. Atomic-powered Communism: Nuclear culture in the post-war USSR // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 297–324. DOI: 10.2307/2501914.

30. Khandozhko R. Quantum tunneling through the Iron Curtain: The Soviet nuclear city of Dubna as a Cold War crossing point // Cahiers du Monde Russe. 2019. Vol. 60. No. 2–3. P. 369–396. DOI: 10.4000/monderusse.11222.

31. Lalli R. Crafting Europe from CERN to Dubna: Physics as diplomacy in the foundation of the European Physical Society // *Centaurus*. 2021. Vol. 63. No. 1. P. 103–131. DOI: 10.1111/1600-0498.12304.

32. Liu J., Wang F., Zhemchugov A. Chinese scientists in Dubna (1956–1965) // *Chinese Annals of History of Science and Technology*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 31–88. DOI: 10.3724/SP.J.1461.2021.02031.

33. Lock W.O. A history of the collaboration between the European Organization for Nuclear Research (CERN) and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR), and with Soviet Research Institutes in the USSR, 1955–1970. Geneva: European Organization for Nuclear Research, 1975. Available at: <https://inis.iaea.org/records/dy3gq-brq97/files/6215888.pdf?download=1> (accessed: 30.11.2025).

34. Olšáková D. A review of science diplomacy: Theoretical evolution to a post-naïve approach and its relevance for the Czech Republic // *Czech Journal of International Relations*. 2024. Vol. 59. No. 3. P. 7–30. DOI: 10.32422/cjir.430.

35. Ruffini P.-B. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: A critical review // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2020. Vol. 7. No. 124. P. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5.

36. Ruffini P.-B. Science and diplomacy: A new dimension of international relations. Cham: Springer, 2017.

REFERENCES

1. Biryukov V.A. 1966. XIX sessiya Uchenogo soveta Ob"edinennogo instituta yadernykh issledovaniy [9th session of the Scientific Board of the Joint Institute for Nuclear Research]. *Atomic Energy*, vol. 20, no. 6, pp. 523–525. (In Russ.)

2. Biryukov V.A., Lebedenko M.M., Ryzhov A.M. 1960. *Ob"edinennyi institut yadernykh issledovaniy* [Joint Institute for Nuclear Research]. Moscow, Atomizdat Publ. (In Russ.)

3. Gorlova E.N., Tkachenko R.V. 2019. Ponyatie proektov klassa ‘megascience’ na primere ustanovok ITER i FAIR [The concept of ‘megascience’ class projects: The case of ITER and FAIR installations]. *Actual Problems of Russian Law*, no. 5 (102), pp. 205–213. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213. (In Russ.)

4. Gromyko A.I. 2019. Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive action diplomacy]. In: Gromyko A.I. (ed.). *Voina mezhdru gosudarstvami — velikoe zlo. K 110-letiyu A.A. Gromyko*. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., pp. 84–102. (In Russ.)

5. Emel'yanov V.S. 1979. *S chego nachinalos'* [Where it all began]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)

6. Rusakov N.A. (ed.). 2014. *Istoriya sozdaniya sinkhrotsiklotrona OIYaI (v dokumentakh i vospominaniyakh)* [JINR's synchrocyclotron creation history (in documents and memoirs)]. Dubna, OIYaI Publ. (In Russ.)

7. Kadyshhevskii V.G. 1996. 40 let Ob"edinennomu institutu yadernykh issledovaniy [Forty years of the Joint Institute for Nuclear Research]. *Uspekhi fizicheskikh*

nauk, vol. 166, no. 9, pp. 921–926. DOI: 10.3367/UFNr.0166.199609a.0921. (In Russ.)

8. Kolomenskii A.A. 1987. V.I. Veksler i uskoriteli [Veksler and particle accelerators]. In: Markov M.A., Gorbunov A.N. (eds.). *Vospominaniya o V.I. Veksler: sbornik statei* [Memories of V.I. Veksler: Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 126–134. (In Russ.)

9. Krasnova G.A. 2021. *Nauchnaya diplomatiya v sovremennom mire: Ucheb.-metod. materialy № 9/2021* [Science diplomacy in the modern world: Training aids no. 9/2021]. Moscow, NP RSMD Publ. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf> (accessed: 30.11.2025). (In Russ.)

10. Kryzhina M.D. 2018. Nauchnaya diplomatiya v interpretatsiyakh rossiiskikh spetsialistov [Interpretations of science diplomacy in Russian academic community]. *International Trends*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12. (In Russ.)

11. Lebedenko M. 1958. Yubilei Cheshskoi vysshei tekhnicheskoi shkoly [Anniversary of the Czech higher technical school]. *Atomic Energy*, vol. 4, no. 1, pp. 105–106. (In Russ.)

12. Leshkovtsev V.A. 1955. Sessiya Akademii nauk SSSR po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [Session of the Academy of Sciences of the Soviet Union on the peaceful use of atomic energy]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, vol. 57, no. 3, pp. 503–517. DOI: 10.3367/UFNr.0057.195511e.0503. (In Russ.)

13. Na vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [At the Second International Conference on the Peaceful Use of Atomic Energy]. 1958. *Atomic Energy*, vol. 5, no. 5, pp. 583–589. (In Russ.)

14. Dolgovaya E.A. (ed.). 2023. *Nauka bol'shoi strany: sovetskii opyt upravleniya* [Science of a big country: The Soviet governance experience]. Moscow, RGGU Publ. (In Russ.)

15. Nesmeyanov A.N. 1955. Vstupitel'naya rech' na Sessii Akademii nauk SSSR, posvyashchennoi mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [Introductory remarks at the Session of the Academy of Sciences of the USSR on the Peaceful Use of Atomic Energy]. In: *Sessiya AN SSSR po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii, 1–5 iyulya 1955 goda: Plenarnoe zasedanie* [Session of the Academy of Sciences of the Soviet Union on the Peaceful Use of Atomic Energy, July 1–5, 1955: Plenary session]. Moscow, AN SSSR Publ., pp. 3–8. (In Russ.)

16. Petrukhina P.S., Pronskikh V.S. 2018. 'Protomegasaiens' kak geterogenaya set' perevodov interesov: issledovaniya difraktsii protonov [Proto-megascience as a heterogeneous network of interests transfers: Proton diffraction studies]. In: Kasavin I.T. et al. (eds.). *Istoriya i filosofiya nauki v ehpokhu peremen. Sbornik nauchnykh statei: V 6 t.: T. 2* [The history and philosophy of science in the era of change. Collection of scientific articles. In 6 vols. Vol. 2]. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk Publ., pp. 14–16. (In Russ.)

17. Prislonov N.N. 2022. *Dubna: gody svershenii. Ocherki noveishei istorii naukograda* [Dubna: Years of endeavour. Essays on the contemporary history of science city]. Dubna, OIYaI Publ. (In Russ.)

18. Sanielevich A. 1957. Pomoshch' uchenym-atomshchikam iz stran narodnoi demokratii. Pis'mo chlena-korrespondenta Akademii nauk Rumynskoi Narodnoi Respubliki prof. A. Sanielevicha [Assistance to atomic scientists from the countries of people's democracy. Letter from Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Romanian People's Republic prof. A. Sanielevich]. *Atomic Energy*, vol. 2, no. 1, pp. 82–84. (In Russ.)

19. Sisakyan A.N. 2006. Mirovaya slava Dubny [Dubna's worldwide fame]. *Nauka v Rossii*, no. 2, pp. 71–79. (In Russ.)

20. Starchenko B.M., Bednyakov V.A., Shimanskaya Yu.G. 2011. Ob"edinennyi institut yadernykh issledovaniy — rozhdenie nauchnoi Dubny [Joint Institute for Nuclear Research — birth of a city of science Dubna]. *History of Science and Engineering*, no. 1, pp. 2–19. (In Russ.)

21. Suleymanov I.T. 2025a. Aktualizatsiya strategicheskikh instrumentov nauchnoi diplomatii v Rossiiskoi Federatsii v seredine 20-kh gg. XXI veka [Updating the strategic instruments of science diplomacy in the Russian Federation in the mid-20s of the 21st century]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 315–322. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-315-322. (In Russ.)

22. Suleymanov I.T. 2025b. 'Postaffirmativnaya' ehpokha nauchnoi diplomatii v ES: na puti kooptatsii v diplomatiyu prinuzhdeniya? [The post-affirmative era of science diplomacy in the EU: Towards cooptation into coercive diplomacy?]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 338–342. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-338-342. (In Russ.)

23. Fursenko A.A., Afiani V.Yu. 2010. Akademiya nauk SSSR i TSK KPSS v 1950-e gg.: poisk putei modernizatsii [The Academy of Sciences of the USSR and the Central Committee of the CPSU in the 1950s: A search for paths of modernization]. In: Afiani V.Yu., Esakov V.D. (eds.). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991. T. 2: 1952–1958* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-Communist Party of the Soviet Union, 1922–1991. Vol. 2: 1952–1958]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 8–22. (In Russ.)

24. Clery D. 1994. The Dubna effect. *Science*, vol. 264, no. 5163, pp. 1269. DOI: 10.1126/science.264.5163.1269.

25. Da Silva Neto C.P., Kojevnikov A. 2024. Socialist internationalism and science diplomacy across the Iron Curtain. In: Lalli R., Navarro J. *Globalizing physics: One hundred years of the International Union of Pure and Applied Physics*. Oxford, Oxford University Press, pp. 175–191.

26. Flink T., Schreiterer U. 2010. Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: Toward a typology of national approaches.

Science and Public Policy, vol. 37, no. 9, pp. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530.

27. Höne K.E., Kurbalija J. 2018. Accelerating basic science in an intergovernmental framework: Learning from CERN's science diplomacy. *Global Policy*, vol. 9, no. S3, pp. 67–72. DOI: 10.1111/1758-5899.12589.

28. Ichikawa H. 2016. Obninsk, 1955: The world's first nuclear power plant and 'the atomic diplomacy' by Soviet scientists. *Historia Scientiarum*, vol. 26, no. 1, pp. 25–41. DOI: 10.34336/historiascientiarum.26.1_25.

29. Josephson P.R. 1996. Atomic-powered Communism: Nuclear culture in the postwar USSR. *Slavic Review*, vol. 55, no. 2, pp. 297–324. DOI: 10.2307/2501914.

30. Khandozhko R. 2019. Quantum tunneling through the Iron Curtain: The Soviet nuclear city of Dubna as a Cold War crossing point. *Cahiers du Monde Russe*, vol. 60, no. 2–3, pp. 369–396. DOI: 10.4000/monderusse.11222.

31. Lalli R. 2021. Crafting Europe from CERN to Dubna: Physics as diplomacy in the foundation of the European Physical Society. *Centaurus*, vol. 63, no. 1, pp. 103–131. DOI: 10.1111/1600-0498.12304.

32. Liu J., Wang F., Zhemchugov A. 2021. Chinese scientists in Dubna (1956–1965). *Chinese Annals of History of Science and Technology*, vol. 5, no. 2, pp. 31–88. DOI: 10.3724/SP.J.1461.2021.02031.

33. Lock W.O. 1975. *A history of the collaboration between the European Organization for Nuclear Research (CERN) and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR), and with Soviet Research Institutes in the USSR, 1955–1970*. Geneva, European Organization for Nuclear Research. Available at: <https://inis.iaea.org/records/dy3gq-brq97/files/6215888.pdf?download=1> (accessed: 30.11.2025).

34. Olšáková D. 2024. A review of science diplomacy: Theoretical evolution to a post-naïve approach and its relevance for the Czech Republic. *Czech Journal of International Relations*, vol. 59, no. 3, pp. 7–30. DOI: 10.32422/cjir.430.

35. Ruffini P.-B. 2020. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: A critical review. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 7, no. 124, pp. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5.

36. Ruffini P.-B. 2017. *Science and diplomacy: A new dimension of international relations*. Cham, Springer.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025;
одобрена после рецензирования 06.10.2025;
принята к публикации 30.12.2025

The paper was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 06.10.2025;
accepted for publication 30.12.2025